

СООТНОШЕНИЕ СТРОЕНИЯ ЗНАНИЯ С ЕГО РАЗНОВИДНОСТЯМИ

*Петрушенко В. Л.*E-mail: vipetfil@gmail.com*Национальный университет «Львовская политехника» (г. Львов)*

Вопрос о природе знания и о тех возможностях, которые оно предоставляет человеку, был и остается не только актуальным, но и в значительной степени интригующим. Горе ли человеку от ума или, напротив, гордость и достоинство? – Склониться в пользу того или иного варианта решения по-прежнему остается выбором гадательным или, хотя бы, предположительным. Определенные осмысления этого вопроса наличествуют уже в мифологиях разных народов (например, Веды или миф об Эдипе). Философия же рождается, можно сказать, вместе с рефлексиями по поводу этого вопроса. В древние времена знание не только освящалось, но и мистифицировалось; традиция достаточно устойчиво делила знания на обычные (обыденные, профанные) и на особые (тайные, священные, глубинные). Некоторые исследователи доказывают, что не только философия Платона, но и философия Аристотеля содержала в себе два названных варианта ее понимания и изучения [см., например: 8]. Достаточно возвышенно и даже слегка загадочно звучит положение, в котором К.Маркс интерпретируя Гегеля, утверждает: «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, – это знание. Знание есть его единственный акт» [3, с. 165]. Но вслед за ницшевским превращением знания и истины в разновидность ценностей выживания определенного биологического вида, а также вслед за контовским пониманием знания как фиксации физически наблюдаемого начала стремительно развиваться тенденция к уплощенному и упрощенному пониманию знания: сначала его отождествили с набором знаково-символических структур, а затем – к манипуляциям перевода одних текстовых структур в другие. После небольшого всплеска интереса к не- и вне-научным знаниям в период перехода от советского миропонимания к смешанному и смутному постсоветскому оно почти перестало фигурировать в исследованиях в качестве специального предмета исследовательского интереса. Знанием, но в очень специфическом срезе, теперь интересуются когнитивные науки, например, когнитивная психология [7].

Между тем когнитивные науки вынуждают нас так или иначе признать, что одной из отличительных характеристик человека является то, что он действует на основе знания или с его использованием [1, с. 156 – 157]. Это свидетельствует о том, что знание и человек связаны сущностно, что, в конце концов, способ бытия человека в мире включает в себя (или предполагает) знание. Знание в некоторой степени может быть охарактеризовано как судьбу человека, а, соответственно, и его жизненное предназначение. Всякое инструментальное или функциональное понимание знания и познания при этом, конечно же, может быть признано и оправдано теми или иными исследовательскими целями, но должно быть решительно отброшено при размышлениях о природе знания. Знания не добавляется к человеку как ходули или механические манипуляторы к его ногам и рукам, оно входит в само человеческое существо и пребывает с ним в органическом единстве. По большому счету, уход каждого конкретного человека из жизни равнозначен абсолютной потере некоторого знания и знаниевого опыта. Но где вы в современных философских штудиях, особенно, например, штудиях аналитической философии, найдете хотя бы следы такого понимания знания? – Нет, знание в современной философии – это некоторые артефакты, которые можно просто передавать от человека к человеку, а еще лучше – от одного считывающего устройства к другому; в результате, человек тоже – почти автоматически – превращается в разновидность такого устройства, о чем свидетельствуют, например, украинские потуги и эксперименты с так называемой «Болонской системой» образования, которая не предусматривает прямой встречи одного человека (педагога, учителя) с другим (обучающимся, учеником). В этой системе сознательно максимально устраняется субъективный, то есть человеческий фактор; педагог (преподаватель) тут становится некоторым регулировщиком и агентом, сопровождающим когнитивный процесс, в общем и целом почти так же, как наладчик робототехники сопровождает функционирование автоматизированного производственного процесса. В качестве неоспоримого преимущества такой системы образования называют ее большую степень либеральности; действительно, всякие субъективно ранжированные системы знания тяготеют к дифференциации тех, кто является носителем знаний и тех, кто их получает; здесь имеют место интеллектуальный аристократизм, «продвинутость», утонченность и пр., а это недемократично. Болонская система, предполагающая считывания обучающимися текстовых структур, перевод одних текстовых образований в другие, функционально-операциональное использование знаний является по сравнению с дифференцированными системами знания весьма демократичной, но это странная демократия: она предполагает равенство в неведении, в непонимании, в степени отчуждения от знания как жизненного призвания (можно вспомнить курьезный случай, когда во Франции на протяжении нескольких лет выпускники колледжей путали синус и косинус, ничего об этом не зная и не подозревая). Стоит напомнить, что в элитных учебных заведениях во всех развитых странах эта система обучения не применяется.

В наши дни также утрачен интерес в более или менее глубокое проникновение в строение знания, в то время как со времен Платона – этого отца знаниевой проблематики – философов и интеллектуалов живо интересовало, из чего и как формируется знание и, соответственно, как его правильнее формировать и использовать. Вопрос о знании нерасторжим с вопросом об истине; соответственно, понимание строения знания обещает нам и некоторые прояснения относительно истины. В самом деле, если строение некоторого конкретного знания не завершено, то оно автоматически удаляется от истины. Но и в вопросе о строении знания многие современные философы удовлетворились делением знания на «знание-что» и «знание-как», предложенное и поддержанное аналитической философией [4, с. 36]. Для инструментального подхода к знанию это важно, потому что это более или менее очевидно,

поддается дескрипции и использованию. Но это не только не дает возможности проникнуть в природу знания, а затемняет ее, выступая в роли дзеновского «пустого духа»: это нечто настолько правдоподобное, что его охотно принимают за истину, но никакого реального содержания, ведущего нас к утонченной онтологии, такие образования не имеют.

В интенциях многих современных философов следует вообще отказаться от того, что традиционно называли «проникновением», ведь сегодня господствует плоскость, поверхность, складка, а потому исчезает отличие между сущностью и явлением. Следовательно, сознание и познание также не имеют глубины или вовсе отсутствуют; например, в зрелой гуссерлевской феноменологии проводилась мысль о том, что сознания как некоторой самостоятельной сущности не существует, но то, что мы называем сознанием является всего лишь всеобщим способом самообнаружения феноменов. Не может быть и речи о некотором познавательном проникновении (или углублении) в концепции политической экономии знака Ж.Бодрийяра. Впрочем, не будем делать полного обзора форм представленности такой позиции, поскольку наблюдаемая общая тенденция ее достаточно хорошо демонстрирует.

На что мы можем опереться, разыскивая строение знания, то есть те его составляющие, единство которых позволяет знанию быть знанием, а не представлением, мнением, догадкой? Можно было бы сразу и прямо сказать, что мы опираемся на историко-философскую традицию, но в данном случае требуется некоторое весьма существенное дополнение: дело в том, что сама эта традиция исходила в своих истоках из мифологических представлений, заставляя нас говорить не об изобретении основ такой традиции, а о ее преднахождении или об обнаружении. Несколько иначе: основания этой традиции нам предзаданы как одна из онтологических структур, обеспечивающих наш человеческий способ бытия в мире. Речь идет о древнейших представлениях о структуре души. Как известно, в ней выделяли растительную, чувствующую и разумную составляющие [5, с. 232 – 239], которые несколько позже получили пространные и объяснительные интерпретации (в том числе – у представителей философии российского религиозного ренессанса) [см., например: 2, с. 59]. На первое место при рассмотрении души человека постепенно вышла чувствующая составляющая, то есть способность воспринимать и реагировать на внешние (и, добавим, внутренние) факторы; с этой составляющей, а также способностью души позже стали связывать, с одной стороны, уникальную возможность человека универсально воспринимать все и всякое сущее (в чем, согласно Оригену, человек превосходит ангелов), а с другой стороны, такую сферу сугубо человеческого отношения к миру, которая именуется эстетической. Вторая способность обозначалась то как вожделеющая, то как действенно-волевая; она базировалась на вегетативной функции живого, ярко проявляющейся, например, в яром и необузданном росте травы в определенное время года. Не стоит даже напоминать тот факт, что для человеческого существа эта способность (или эта составляющая души) имеет исключительное значение, поскольку лишь человек способен подчинять свои действия, причем – на неопределенно длительный период – выполнению тех целей, которые не имеют прямого, а иногда и опосредованного отношения к реализации витальных потребностей; кстати, к такого рода действиям относятся и мыслительные процедуры, требующие усилий воли. Третья составляющая очевидно отличает человека от всех иных живых существ, хотя сущность и значение человеческой разумности еще далеко не полно и не убедительно очерчены и осмыслены. Обозначим пока разумность как способность человеческого сознания находить всему место, меру и оценку. Так вот, уже у Платона знание понимается сквозь призму этих трех составляющих души: оно включает в себя, прежде всего, чувственный и конструктивно-функциональный компоненты. Платон прямо говорит о том, что знание является «связанным мнением», включающим в себя впечатления и логические связки [6, с. 407]. Значительно позже у И.Канта знание предстает результатом синтеза чувственного материала с априорными формами рассудка. Далеко не все замечают, что Платон на таком понимании строения знания, как говорят, не успокаивается: он утверждает, что нужно подняться выше, к первым истокам разума и души для того, чтобы от частного перейти ко всеобщему. То же самое наблюдается и у И.Канта, который ставит над рассудком разум, единственно способный преодолеть феноменальность человеческого восприятия действительности путем созерцания абсолютного совершенства.

Не входя далее в чрезмерные детализации сути вопроса, сразу же отметим: знание включает в себя три необходимых и как бы достаточных компонента – (а) чувственный, (б) конструктивно-функциональный и (в) смысловой [4, с. 207 – 212]. Несколько в ином плане это же можно обозначить так: любое знание отвечает на вопросы (а) «Что?», (б) «Как?» и (в) «Зачем?» (или «Для чего?», «Почему?»); обратим, кстати, внимание на совпадение в основном такой структуры с аристотелевскими четырьмя причинами всякого сущего). С точки зрения внутреннего состава, кажется, знание этими тремя компонентами завершено, но не совсем так по той простой причине, что оно при этом еще не обрело никакого бытийного статуса. В таком и только в таком составе знание остается внутренней способностью человека: мы нередко можем услышать «что-то он там знает, этот человек, но вот никому не говорит...» – Это именно такая ситуация. Знанию нужна форма для обретения статуса сущего среди иных сущих, и такой формой являются знаково-символические структуры, но, прежде всего, чаще всего, органичнее всего – слово. Значит, четвертый компонент знания – (г) слово, знак – и ответ на вопрос (г) «В каком виде?». Обретя форму сущего, знание становится воспринимаемым, фиксируемым (письмо), но, вместе с тем, отчужденным от человека; теперь, например, кто-то со стороны может понять некоторое суждение совсем не так, как тот, кто его произносит. А кто-то вообще может понять знание как совокупность знаково-символических и текстовых форм; правда, все попытки свести знание к взгонкам и перегонкам одних знаковых и текстовых структур на самом деле не дали ожидаемых результатов, и в процедуры такого рода перегонок пришлось вводить дополнительные операции, дополнения и уточнения.

Еще несколько по-иному обозначая основные компоненты знания, можно сказать, что оно состоит из: (а) данности, (б) связей и функций, (в) смыслов и (г) онтических форм (замечу, что последние могут иметь очень разные виды и проявления; так, например, мастер некоторого дела может вообще без слов демонстрировать свои знания и знаниевый опыт в виде последовательности действий; знания могут фиксироваться и передаваться движениями,

жестами, мимикой, рисунками и схемами и т.д.). Является очевидным то, что для того, чтобы знание состоялось как нечто действительное, должны быть в наличии все названные его компоненты, но в то же время необходимо отметить, что именно смысловой компонент знания играет решающую роль в том, чтобы все иные его составляющие сложились в некоторое целое. Именно целостность, внутреннюю завершенность придает знанию его смысловой компонент.

Исходя из такого строения знания можно сразу же выделить самые первые и простые его разновидности. Если знание призвано зафиксировать некоторого рода данности, то оно, как правило, именуется данными, сведениями, информацией, а человек, обладающий такими знаниями называется осведомленным, проинформированным, знающим что-то. Такого рода знания являются всего лишь когнитивным материалом для последующих интеллектуальных действий, и, опять-таки, можно еще раз увидеть очевидные погрешности тотального распространения тестовых заданий в учебном процессе, поскольку абсолютное большинство тестов ориентируют на информированность, на констатацию данных. Если в знании превалирует связи, то есть конструктивный элемент, то такого рода знания называются выводными знаниями, знаниями-суждениями, знаниями-обоснованиями, дискурсивными знаниями, аргументами, логическими конструкциями. Как правило, традиционные системы образования предполагали переход в процессе обучения от сведений к выводам и обоснованиям, обретение навыков дискурсивного рассуждения, исходным элементом которого является суждение. Напомню, что согласно И.Канту мышление состоит именно в умении составлять суждения, рассуждать. Когда в знании на первый план выходит смысловой компонент, смысловое начало, то такие знания обретают статус принципов, убеждений, высших понятий-ценностей (в терминологии М.К.Мамардашвили – продуктивных тавтологий), основоположений и т.д. Только на уровне такого рода знаний осведомленность и операциональные логические способности могут выйти на уровень понимания, осмысления, постижения. Но как раз от этого уровня реального бытия знания современное массовое образование достаточно решительно отказывается, предпочитая удовлетворяться осведомленностью и формированием комбинаторных способностей. В этом плане интересно отметить, что знаменитый «IQ» – коэффициент интеллекта – вычисляется исключительно на основе шкалы определения комбинаторных способностей ума. Но как формировать у обучающихся то, что в строении знания играет решающую, наиболее важную роль? На этот вопрос нет единственного ответа, сулящего всегда успешный результат. Но исторический опыт склоняется в пользу того, что последний и наиболее значимый компонент знания может формироваться не только и даже не столько в передаче его в форме сведений и аргументов, но, прежде всего, введением обучающихся в определенную систему жизнедеятельности, в образ жизни и поведения. Ясно, что современные системы обучения в своем большинстве не только такого не предусматривают, но и сознательно стремятся от этого дистанцироваться. В результате обычная, массовая система образования все больше и больше начинает напоминать конвейерное производство: личность педагога, как и личность ученика все больше и больше стираются, становятся почти анонимными; более того, они рассматриваются как факторы помехи.

Четвертая составляющая знания, которая, как уже отмечалось, в наше время предстала чуть ли не единственным фактором свидетельства его реальности, то есть того, что знание действительно существует как особый вид сущего, по сути, диктует сегодняшние подходы к нему почти тотально в некоторых направлениях философии, педагогики, системах воспитания и образования. Считывание и прочитывание текстов, текстовых сообщений, умение манипулировать знаковыми образованиями, – все это сегодня зачастую приравнивается к образованности, к критериям действенности систем образования. Безразличие к содержанию, которое фиксируется знаками и текстами, имеет как позитивное, так и негативное значение.

В заключении отметим, что выделенные нами компоненты знания именно потому, что лишь в совокупности они составляют знание как таковое, взаимно интегрируются, а потому не существует исключительно знания – данности: в нем так или иначе будут в наличии и все иные знаниевые составляющие. Потому отдельный вид знания имеет некоторые основания для того, чтобы претендовать на полноценность; заявляя такие претензии, он при этом может создавать видимость полноты. Вот почему аналитика знания столь важна и столь необходима в понимании того, что происходит сегодня со знанием, с системой образования и с образованностью.

Выводы: современное поверхностное отношение к строению знания не дает возможности в надлежащей степени понять как разновидности знания, так и особенности его функционирования (в том числе – в системе образования). Но без серьезного проникновения в структуру знания совершенно невозможно понять, на чем базируются те или иные концепции знания, почему целый ряд философов протестует против массового внедрения стандартов Болонской системы образования в том виде, в котором она фигурирует в Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки / Е.Н.Кучер // Когнитивный подход. Научная монография. Отв. ред. – академик РАН В.А.Лекторский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с. – С. 133 – 164.
2. Макробій А.Т. Коментарі до сновидіння Сціпіона Африканського / Амвросій Теодосій Макробій. Пер. з лат., вступна стаття, коментарі В.Андрушко. – Київ: ТанDEM, 2000. – 176 с.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К.Маркс // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. – С. 165.
4. Петрушенко В.Л. Філософія знання: онтологія, епістемологія, аксіологія / В.Л.Петрушенко. – Львів: Ахілл, 2005. – 320 с.
5. Платон. Государство / Платон // Платон. Сочинения в трех томах. Под общ. ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 1. Ред. В.Ф.Асмус. – М.: Мысль, 1971. – 687 с. – (АН СССР. Ин-т философии. Философ. наследие).

6. Платон. Менон / Платон // Платон. Сочинения в трех томах. Под общ. ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 1. – М.: Мысль, 1968. – (АН СССР. Ин-т философии. Философ. Наследие). – 623 с. – С. 367 – 412.
7. Солсо Р. Когнитивная психология / Р.Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 589 с.: ил. – (Серия «Мастера психологи»).
8. Фомин В.П. Сокровенное учение античности в духовном наследии Платона / В.П.Фомин. – М.: Аргус, 1994. – 288 с.